

Чи Чэн закрыл дверь за собой, и Тао Хуайнань сказал:

— Если брат увидит, мне будет еще более неловко.

— Ты просто странный, обжегся и не сказал? — Чи Чэн, кипя от раздражения, швырнул мазь от ожогов и ватные палочки на кровать. — Ты слишком легко отделался, если бы обжегся до кожи, тебе бы не было стыдно.

— Ты всегда так говоришь... — пробормотал Тао Хуайнань. — Мне больно.

— Сам виноват, — резко ответил Чи Чэн.

Будь это в детстве, Тао Хуайнань сейчас бы надулся и обиделся, но за столько лет все их мелкие капризы стерлись. Один стал мягче с годами, а другой, наоборот, стал более вспыльчивым.

Чи Чэн нанес толстый слой мази на ожог, и Тао Хуайнань, шипя от боли, пытался оттолкнуть его руку:

— Ладно, хватит.

Ватная палочка выпала из рук Чи Чэна, и прежде чем он успел что-то сказать, Тао Хуайнань уже отвернулся, натянув на себя одеяло:

— Все, хватит, выключи свет.

Чи Чэн посмотрел на него, неожиданно не вспыхнув и ничего не сказав, вышел помыть руки, а затем вернулся и выключил свет.

Тао Хуайнань лежал, уткнувшись лицом в стену, и Чи Чэн спросил:

— Еще болит?

— Болит, — глухо ответил Тао Хуайнань. — Надоело.

Чи Чэн, на удивление, успокоился и, погладив его по шее, сказал:

— Уснешь — не будет болеть.

— Но я не могу уснуть... — Тао Хуайнань потер нос тыльной стороной руки, звуча обиженно. — Постоянно болит, вот и не могу.

Чи Чэн некоторое время гладил его шею и голову, и Тао Хуайнань успокоился, перестал ворочаться, дыхание его стало ровным.

— Сонный? — спросил Чи Чэн.

— Немного, — ответил Тао Хуайнань.

Через некоторое время Тао Хуайнань сам повернулся к Чи Чэну, придвинувшись поближе, и Чи Чэн небрежно положил руку на него. Тао Хуайнань схватился за пижаму Чи Чэна, медленно потирая ее, и вскоре перестал двигаться.

Мальчик спал спокойно, живот его поднимался и опускался в такт дыханию, тихо и послушно.

Кажется, в этот день неприятности не закончились, и он снова попал в какую-то историю.

На следующее утро, перед тем как надеть штаны, Тао Хуайнань сначала прислушался к своим ощущениям — боль, кажется, уменьшилась, но все еще чувствовалась.

Чи Чэн спросил:

— Еще болит?

С рассветом вернулось и чувство стыда, и Тао Хуайнань потянулся, чтобы закрыть ему рот:

— Не болит, не болит, не спрашивай.

Тао Сяодун тоже вышел из комнаты, зевая, и, подумав, что они говорят о вчерашнем ожоге, спросил:

— Еще болит?

Тао Хуайнань был на грани срыва, шагая и говоря:

— Ой, да хватит спрашивать! Братья!

— Что это с ним? — Тао Сяодун был озадачен его раздражением, остановился и посмотрел на Чи Чэна. — Не выпался, что ли?

— Нет, все нормально, — покачал головой Чи Чэн. — Брат, не обращай на него внимания.

Тао Сяодун подумал, что этот ребенок действительно изменился, стал таким раздражительным с утра.

Тао Хуайнань, этот нежный малыш, страдал от боли три-четыре дня, и с наступлением темноты его стыд исчезал, он спокойно позволял Чи Чэну наносить мазь, но с рассветом все возвращалось, и он снова стеснялся, не позволяя прикасаться к себе.

Утром, когда Тао Хуайнань снова оттолкнул руку Чи Чэна, тот раздраженно назвал его занудой.

Тао Хуайнань хихикнул:

— Днем стыдно.

— Твое чувство стыда работает по сменам? — поднял бровь Чи Чэн. — Вечером уходит с работы.

Тао Хуайнань сам нашел это забавным и долго смеялся.

Время в третьем классе средней школы было напряженным, каждый день был заполнен уроками, а их дополнительные занятия с третьего месяца превратились в вечерние. Обычные ученики уходили домой после школы, а они после ужина должны были заниматься еще два часа.

Тао Хуайнань каждый день ходил с Чи Чэном, окружающие учились, а он сидел рядом, перебирая свои книги. Смартфоны были очень удобны, книг на шрифте Брайля было мало, и учебники Тао Хуайнаня брат купил ему в школе для слепых, их просто не купить в обычных

магазинах. Другие книги тоже было сложно достать, они были дорогими и редкими.

Теперь, с приложениями для аудиокниг, Тао Хуайнань мог скачивать нужные книги и слушать их или конвертировать и печатать на принтере для шрифта Брайля, что было намного удобнее, чем раньше.

Он всегда был неофициальным участником группы для продвинутых, в аудитории у него было постоянное место, и теперь он иногда мог понять что-то из лекций учителя.

Вечерние занятия заканчивались в 20:50, утром они выходили в 6:00, а возвращались в 21:00 — жизнь школьников была самой тяжелой.

Брат снова уехал в командировку, он каждый год уезжал несколько раз, иногда по работе, иногда по другим делам. Брат был человеком, который жил для себя, он много зарабатывал, но не был жаден к деньгам, каждый год вкладывая много средств в то, что считал важным.

— Брат снова уехал? — наконец-то закончив занятия, Тао Хуайнань медленно шел домой, держась за руку Чи Чэна, их тени под фонарями были длинными, но Тао Хуайнань этого не видел.

— Наверное, — ответил Чи Чэн, сжимая его пальцы.

Впереди была яма, и Чи Чэн заранее потянул Тао Хуайнаня влево, тот с пониманием обошел ее.

Они шли вместе почти восемь лет, и за эти годы они настолько привыкли друг к другу, что Чи Чэну даже не нужно было говорить ни слова — достаточно было задать направление и силу, и Тао Хуайнань обходил все препятствия.

— Куда брат уехал? — спросил Тао Хуайнань. — В Цинхай? В Гуйчжоу?

— Не сказал.

Чи Чэн смотрел на их тени, Тао Хуайнань был немного ниже, его школьная форма была свободной, и рука, которая не держала Чи Чэна, болталась в воздухе.

Когда Тао Хуайнань был в хорошем настроении, он иногда делал мелкие движения, например, болтал рукавом или прятал руку в рукаве, обхватывая подбородок краем.

— Брат такой хороший, — сказал Тао Хуайнань, уткнувшись подбородком в рукав. — Правда?

Чи Чэн ответил:

— Угу.

На самом деле Тао Хуайнань прекрасно понимал, что многие вещи брат делал ради него. У него были проблемы со зрением, и брат помогал другим людям с подобными или другими ограничениями.

Ребенок с таким братом был самым счастливым, Тао Хуайнань всегда так думал.

Потом появился второй брат, и ребенок с двумя братьями был просто непревзойденным, дома он был маленьким императором.

Они уже достаточно выросли, и даже если брата не было дома, им не нужно было кого-то специально просить присмотреть за ними, теперь брат мог уехать на две недели, и все было в порядке.

Вечером, вернувшись домой, они принимали душ и ложились спать около десяти, Тао Хуайнань засыпал рано, а Чи Чэн иногда еще учился.

В группе класса в QQ кто-то еще общался, Тао Хуайнань вышел из аккаунта и лег в кровать слушать книгу. Чи Чэн учился в комнате, его ручка непрерывно скользила по бумаге, иногда он перелистывал страницу или кашлял, и эти мелкие, постоянные звуки успокаивали Тао Хуайнаня.

От лета к осени, от осени к зиме.

После дня рождения Чи Чэна наступила зима, в тот день он позвонил своей бабушке.

Старушка всегда относилась к нему с неприязнью, прожив тяжелую жизнь, она считала, что все в семье Чи были сумасшедшими. Это было связано с теми двумя месяцами, которые Чи Чэн провел у нее, когда вернулся, его одержимость и жестокость были унаследованы от корней семьи, и старушка испытывала к нему больше отвращения, чем тоски.

Чи Чжидэ вернулся на юг, Чи Чэн остался в городе, и только когда она жила одна, старушка чувствовала себя спокойно. Чи Чэн звонил ей два-три раза в год, и каждый раз разговор заканчивался быстро, он был неразговорчивым, и ей тоже нечего было ему сказать.

С Тао Хуайнанем все было иначе, если другие не могли найти общий язык с Чи Чэном, то у него это получалось, он был живым болтуном, и если Чи Чэн позволял, он мог говорить целый день.

Чи Чэну снова исполнилось семнадцать, Тао Хуайнань ненадолго сравнялся с ним по возрасту, но снова отстал на год.

Иногда Тао Хуайнаню казалось, что он постоянно догоняет его, год за годом стараясь сократить разрыв, на какое-то время он приближался, а затем снова отставал. Этот короткий промежуток времени был похож на то, как Чи Чэн останавливался, чтобы подождать его, и только когда он догонял, продолжал идти, это было похоже на ту суровую и молчаливую нежность, которую Чи Чэн проявлял к нему все эти годы.

В день семнадцатилетия Чи Чэна Тао Хуайнань только пришел в школу и услышал, как девочки в классе шептались, их окружал шепот, и он не мог понять, в чем дело.

Он спросил Чи Чэна:

— Что случилось?

Чи Чэн ответил:

— Ничего.

Тао Хуайнань тогда повернулся к Ци Сюань, сидевшей сзади:

— О чем вы говорите?

Девочки не стали скрывать, с улыбкой приблизились к его уху и прошептали:

— Кто-то положил подарок на стол твоего брата, еще и письмо.

[Нет авторских примечаний или комментариев]

<http://bllate.org/book/16228/1458253>